SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Эти биографические очерки были изданы около ста лет назад в серии «Жизнь замечательных людей», осуществленной Ф. Ф. Павленковым (1839–1900). Написанные в новом для того времени жанре поэтической хроники и историко-культурного исследования, эти тексты сохраняют ценность и по сей день. Писавшиеся «для простых людей», для российской провинции, сегодня они могут быть рекомендованы отнюдь не только библиофилам, но самой широкой читательской аудитории: и тем, кто совсем не искушен в истории и психологии великих людей, и тем, для кого эти предметы – профессия.

- П. Я. Левенсон
  -
  - Предисловие
  - Глава I
  - Глава II
  - Глава III
  - Глава IV
  - Глава V
  - Глава VI
  - Источники
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8

П. Я. Левенсон
Чезаре Беккариа. Его жизнь и общественная деятельность

Биографический очерк П. Я. Левенсона

С портретом Беккариа, гравированным в Лейпциге Геданом

Предисловие

Во второй половине XVIII века, столь обильного крупными переворотами в истории западноевропейского общества, появилась в Милане, входившем тогда в состав монархии Габсбургов, небольшая книжка, которой суждено было произвести целую революцию в области уголовного права и процесса. Установившиеся веками взгляды на преступление и наказание подвергнуты были основательному анализу. Всё наслоение устарелых теорий о необходимости сурового возмездия за содеянное правонарушение, беспощадного преследования человека, совершившего преступление, – всё это наслоение вдруг оказалось лишенным всякого разумного смысла, вредящим истинным целям правосудия. Небывалое смущение овладело умами законоведов и правителей, окаменевших в своих воззрениях на средства обезвредить порочного человека, воззрениях, освященных веками, унаследованных от римских юристов. Идеи, впервые высказанные в этой небольшой книжке, нашли радостный отклик в сердцах незабвенных умственных двигателей конца XVIII столетия, были с восторгом приветствованы французскими энциклопедистами, проникли в царские чертоги и вскоре вошли в лучшие кодексы передовых народов Европы.

Эта-то книжка в 200 страниц, доставившая автору славное имя в истории, завидный титул «апостола человечности», не была написана ни цеховым ученым, ни профессиональным законоведом или выдающимся государственным деятелем. Она принадлежала перу совершенно неизвестного молодого мыслителя, всецело проникнутого идеями французских энциклопедистов. Автором этого сочинения оказался двадцатисемилетний миланский патриций, маркиз Чезаре Беккариа-Бонесана; озаглавлено оно было: «Dei delitti e délie pene».[1]

Шум, поднятый сторонниками старых судебных порядков при появлении этого замечательного трактата, обратил внимание лучших людей европейского общества на молодого миланского философа-публициста. Редкое сочинение, волновавшее умы передовых деятелей прошлого века, производило такое потрясающее впечатление на современников, как трактат, вышедший из-под пера скромного миланского патриция. В первые полгода после своего появления книга Беккариа выдержала семь изданий, а в следующие годы – 32 издания; затем она была переведена компетентными людьми на все европейские языки.

Французский перевод был сделан, по настоянию Мальзерба, аббатом Мореллэ. Хотя почтенный аббат позволил себе некоторые вольности, не придерживался строго текста, переставлял главы, но, благодаря его переводу, трактат получил широкое распространение в Европе. Он был снабжен примечаниями Дидро и Бриссо-де-Варвилля, а Вольтер написал к нему обширный комментарий, проникший контрабандным образом во Францию. Друзья и последователи фернейского философа – как обыкновенно называли Вольтера – недаром так восторженно приветствовали появление этого трактата. Беккариа оказался драгоценным союзником в общем деле обновления всех устоев старого режима. Одновременно с хором единодушных похвал, расточавшихся энергичному проповеднику новых идей, раздавались негодующие голоса, протестовавшие против вторжения этих еретических идей, доказывавшие непрактичность философской теории Беккариа, невозможность применения их на деле. Долгое время продолжался спор о научном значении теории Беккариа (общественное значение было вне всякого спора), – и только криминалистам истекающего столетия, трезво относившимся к своей задаче, удалось установить истинное значение Беккариа в новейшей истории уголовного права. Такие трезвые, неувлекающиеся ученые, как Миттермайер, Глазер и Фостен Эли, неопровержимо доказали, что Беккариа был не только одним из могучих рычагов, сразу сдвинувших с места обветшалые остатки прежнего уголовного законодательства, но что он положил первый камень для сооружения нового здания права и процесса.

Для лучшего уяснения значения учения Беккариа и места, которое он, по заслугам, занимает в среде реформаторов уголовного права, надо сначала познакомиться как с личностью миланского публициста, так и с его бессмертным творением.

Начнем по порядку – с личности знаменитого «апостола человечности».

Глава I

Семейство Беккариа. – Патриархальный строй. – Маркиз Бонесана. – Иезуитское воспитание. – Влияние французских энциклопедистов. – Окончание курса наук. – Возвращение домой. Предложение брака. – Семейная буря. – Домашний арест. – Заступничество Марии Терезии. – Брак. – Примирение с родителями. – Кружок «Il Caffé». – Уголовная юстиция. – Покушение Дамьена. – Необходимость реформ

Маркиз Чезаре Беккариа-Бонесана родился 15 марта 1738 года, в Милане, в богатой семье местных патрициев, строго придерживавшихся заветных преданий патриархального домашнего строя. Полное его имя, занесенное в приходских книгах, гласит так: Чезаре-Франческо-Джузеппе-Мария-Гаспаре-Мелькиоре-Бальдассаро-Антонио-Марчеллино. Род Беккариа был старинным и владел многими поместьями в Павии. Чезаре был старшим сыном в семье, остальные его два брата ничем особенно не выдавались; один из них был недурной механик. В семье царили мир, согласие, взаимное уважение всех членов, связанных узами непритворной дружбы и слепого послушания старику-отцу, маркизу Джованни-Саверио. Близкий родственник, граф Бонесана, передал Чезаре свой графский титул и большое состояние, установленное в виде майората, которое перешло к молодому Чезаре вместе с фамилией Бонесана. Нормальные отношения, установившиеся в патриархальной семье, оказали благотворное влияние на дальнейшее развитие личного характера молодого Чезаре. Мягкий по натуре, добродушный, мечтательный, несколько ленивый, беспечный юноша сохранил все свои хорошие качества, несмотря на среду, в которой ему приходилось провести лучшие годы отрочества. По примеру всех баричей, Чезаре был отправлен в Парму, в иезуитскую коллегию, где он провел восемь лет. Растлевающее влияние иезуитского воспитания не успело наложить свое мертвящее тавро на хорошие задатки чуткого юноши, отзывчивого на все доброе и благородное. Продолжительное пребывание в затхлой среде неукротимых изуверов заставило его критически относиться к эластичной морали последователей Игнатия Лойолы. Он отшатнулся от своих лукавых педагогов, подобно другим знаменитостям, получившим воспитание у отцов иезуитов, таким как Вольтер, Дидро, Гельвеции и в наше время – Ренан. Их готовили в застрельщики передовой рати de propaganda fidei, – а

они очутились в стане самых беспощадных противников клерикального господства.

Суровые требования монашеской дисциплины не пришлись по нраву экспансивному, добродушному юноше. Пытливый ум требовал иной пищи, нежели зубрежка текстов. Беккариа пристрастился к математическим наукам и изящной словесности, которые были ему более по душе, нежели механическое заучивание гомилетики и патристики. В школе он не отличался особым прилежанием или выдающимися дарованиями по очень простой причине. Практическая бесполезность и мертвящая сухость предметов школьного преподавания не были в состоянии заинтересовать пытливого юношу, у которого голова работала, требуя разрешения животрепещущих вопросов, волновавших молодую кровь, не дававших покоя мысли, – а кругом царила бессмысленная дисциплина, формальное благочестие, ханжество, соглядатайство и одуряющая рутина. В этом состоянии душевного разлада и нравственной угнетенности он познакомился с французской литературой, которая произвела на него огромное впечатление. Особенно поразили его «Персидские письма» Монтескье. Это был настоящий луч света, мгновенно озаривший непроглядную умственную тьму, в которой Чезаре так долго блуждал. Дальнейшее знакомство с трудами энциклопедистов довершило коренной переворот в его мировоззрении. С юношеской страстностью всецело отдался молодой человек изучению философии, расширившей его умственный кругозор, будившей его самосознание, осветившей ему все сложные вопросы права, общества и государства, так долго волновавшие его пытливый ум. Неудовлетворительность общественного устройства, неравенство людей, обветшалость правовых норм, установленных для всестороннего преуспевания людского общежития, глубоко поразили юного воспитанника отцов иезуитов. В том, чтобы облегчить положение угнетенных сограждан, он увидел свою задачу, настоящий путь для своей будущей деятельности, когда он освободится от иезуитской опеки и сделается самостоятельным членом общества.

С благодарностью вспоминал всегда Беккариа о своих французских учителях. «Всем я обязан французским книгам, – писал он аббату Морелле, – они-то и развили в душе моей чувства человечности, которые были задушены восьмилетним фанатическим воспитанием». При этом выше всего он ставит сочинения Монтескье, Дидро, Д'Аламбера, Бюффона, Юма, Гельвеция и, отзываясь с безграничным удивлением об их великих заслугах, не может равнодушно говорить об этих светилах знания. Их бессмертные творения были предметом его

усидчивых занятий днем, его глубоких дум в тиши ночной. Первое знакомство с «Lettres persanes» Монтескье побудило его отдаться изучению философии, а чтение «L'Esprit».[2] Гельвеция обратило его внимание на несчастия, преследующие человечество. Эта-то книга докончила переворот, происшедший в его уме. «Чтению „L'Esprit“, – говорил он, – я обязан большей частью моих идей». До какой степени он был увлечен «Общественным договором» Руссо или творениями автора «Духа законов», видно из того факта, что свою книгу он ставит под защиту этих мощных умов, которые имели такое могущественное влияние на саморазвитие молодого реформатора. Он взывает к этим дорогим именам, как к незабвенным наставникам, избавившим его от египетской тьмы, наставникам, которым он всецело обязан новым, просветленным мировоззрением. Беккариа не только проникся идеями французских учителей, но говорил их языком, применяясь к их методу исследования и способу аргументации. Когда во Франции появился трактат Беккариа в переводе аббата Морелле, в Париже говорили, что эта книга, без сомнения, вышла из-под пера французского энциклопедиста, что только в одной Франции есть еще умные люди, способные написать подобную капитальную вещь. Противники философов распускали слухи, что для отвода глаз трактат, написанный французским ученым на своем родном языке, был отправлен в Милан, где его перевели на итальянский язык и вернули в Париж. Вся эта проделка будто бы понадобилась для того, чтобы выгородить мнимого французского автора от грозившего ему преследования со стороны придирчивых властей. По словам Гримма, о Беккариа говорили, что он пишет «по-французски – на итальянском языке», и что его бессмертный труд скорее можно назвать «хорошим делом, нежели хорошей книгой» – в том смысле, что на языке педантов и буквоедов принято называть хорошей книгой.

По окончании курса в Пармской иезуитской коллегии семнадцатилетний Чезаре отправился в Павию слушать курс юридических наук, по окончании которого он со степенью доктора прав вернулся на родину. Старому маркизу пришлось скоро убедиться, что семена слепого повиновения отцовскому авторитету, основательно взращенные в родительском доме и, особенно, в школе, под неусыпным руководством таких многоопытных педагогов, какими в те времена считались иезуиты, не дали желанных ростков. Случай не замедлил представиться. Молодой человек познакомился с семейством инженерного полковника де Бласко, миловидная дочь которого, синьорина Тереза, произвела на него сильное впечатление.

Простое знакомство уступило место более сильному чувству, и влюбленный юноша предложил своей избраннице руку и сердце. Суровый маркиз, не допускавший мысли, чтобы его сын мог решиться на подобный шаг, не испросив предварительно его разрешения, объявил свое решительное veto. Он, маркиз, мечтал, что сын его сделает блистательную партию, достойную отпрыска такой знатной фамилии, как Беккариа-Бонесана, а не породнится с небогатым семейством полковника австрийских войск. Но влюбленный юноша и слушать не хотел о возможности другой партии – он без Терезы жить не может. Все старания отца, то убеждавшего, то приказывавшего своему сыну отказаться от сумасбродной мысли, доказывая, что у него, наконец, нет таких средств, чтобы содержать семью достойно своему положению в обществе, – не привели ни к чему. Тогда маркиз решился на крайнюю меру, которую применяли в те патриархальные времена. Он выхлопотал у властей разрешение подвергнуть непослушного сына домашнему аресту, пока он не одумается или не приобретет средств самостоятельно содержать семью. Неизвестно, чем бы кончилось это заточение, если бы в дело не вступился оскорбленный отец невесты. Энергичный полковник обратился с жалобой к императрице Марии Терезии на насилие, употребленное маркизом в отношении своего сына, причем выставил на вид свое несомненное дворянское происхождение, приданое, ассигнованное для любимой дочери и другие обстоятельства, дававшие ему, полковнику, право породниться с семейством маркиза Беккариа-Бонесана. Мария Терезия уважила ходатайство полковника и через своего министра Кауница приказала немедленно освободить узника, пробывшего в заточении почти три месяца.

Почувствовав себя на свободе, Чезаре решился, не откладывая дела в долгий ящик, сочетаться браком со своей ненаглядной Терезой, что и случилось 20 февраля 1761 года. Выведенный из себя этим поступком и вообще непривычной настойчивостью сына, воспитанного в строгих правилах ветхозаветной субординации, маркиз рвал и метал, долгое время не пуская его на глаза. Новобрачным пришлось круто; но благодаря заступничеству одного сенатора старик простил сына, помирился с ним, и они вновь зажили в мире, любви и согласии.

Беккариа всю жизнь наслаждался такой полнотою семейного счастья, какое очень редко встречается даже в романах. Привязанность его к Терезе была поистине идеально безграничная. Долгое время он отказывался от поездки в Париж, куда его настойчиво приглашали энциклопедисты, потому что бледнел при одной мысли о возможности даже кратковременной

разлуки с горячо любимой женой. Надо читать его письма, писанные в дороге, – а писал он ей чуть ли не на каждой станции, – чтобы убедиться в глубине этого чувства, озарявшего всю его жизнь. «Дорогая и уважаемая супруга и друг, – пишет он в одном письме, – как я Вас люблю, об этом знает только мое сердце, да Саша.[3] Не хочу распространяться о моей меланхолии, чтобы не увеличить и Вашу. Буду Вас любить всегда и клянусь, что по прошествии шести месяцев, то есть через 182 дня, я уже буду в Милане, в Ваших объятиях. Что бы ни случилось, Вы всегда найдете во мне искреннего друга и доброго мужа». Далее следует подробный рассказ о путевых впечатлениях. «Вчерашний день, – пишет он в другом письме, – был для меня днем, полным меланхолии. Сознание, что я нахожусь вдали от тебя, причинило мне такие страдания, что я готов был вернуться домой, если бы не опасался сделаться смешным на всю жизнь. Старайся быть счастливой в кратковременное мое отсутствие – иначе я вернусь, не желая быть причиной твоей скорби».

В таком духе написаны все письма, между которыми попадаются интересные описания парижских достопримечательностей, меткие характеристики ученых, литераторов, художников, верные суждения о различии между церковной архитектурой во Франции и Италии. Он оставил Париж гораздо раньше предположенного срока, потому что разлука с любимой женщиной действовала на него разрушительно. Во избежание подобной разлуки Беккариа отказался от весьма почетного и выгодного предложения, сделанного ему императрицей Екатериной II, – посетить Петербург. Если парижские соблазны не могли его долго удерживать в стенах очаровательной столицы Франции, то понятно, что перспектива отправиться на далекий туманный север, в неведомую Московию, должна была показаться не особенно заманчивой. К тому же Д'Аламбер, находившийся в переписке с «Северной Семирамидой» – как тогда звали великую императрицу, – энергично отсоветовал ему пускаться в дальний путь…

Тогда в Милане образовалось общество молодых писателей, восторженных поклонников французских энциклопедистов, мечтавших о коренном преобразовании общественного строя путем распространения новых идей о неотложности реформ. Литературным органом общества был журнал «Il Caffé». Некоторые называли общество «школой», – «la scuola del Caffé», которой выпадала честь быть «воспитательницей народа, средоточием новаторов». Беккариа сделался душой литературного содружества, созданного по образцу английского

журнала «The Spectator» Адиссона, – одним из главных сотрудников этой, по словам Вильмена, «académie savante et généreuse, qui se forma à Milan, sous la protection du comte de Firmian».[4] В журнале Беккариа написал обширную статью о значении слога, о котором де Мэстр говорит, что он состоит из союза чувства со вкусом, а Бюффон – что в слоге виден человек. Но главная задача этого кружка состояла не в литературных состязаниях, а во всесторонней критике существовавших безобразий уголовной юстиции, достигшей тогда геркулесовских столбов. В эпоху, когда лучшие люди сознавали необходимость общественного обновления, ликвидации старых грехов, отравивших жизнь человека, униженного в своем достоинстве, попираемого в своих насущных правах, реформа общественного строя представлялась одной из важнейших задач, которая должна была повлечь за собою уничтожение произвола и неправосудия, нетерпимости кастовой организации, неравномерности распределения прав и обязанностей между гражданами.

Жестокость и возмутительное бесправие царили в судах всей Западной Европы. Италия, и особенно Милан, стонавший под игом австрийского владычества, не составляли исключения из общего правила. Наследие, оставленное позорной памяти инквизицией, широко распространяло свое гибельное влияние над всеми романскими племенами. Инквизиционный процесс, введенный знаменитыми ордонансами Карла V и Франциска I в 1532 и 1539 годах, лишал человека, привлеченного к следствию, всяких средств самозащиты, обращал его в неизбежную жертву произвола судей, снабженных неограниченными полномочиями для увеличения наказания и бессильных смягчить последнее. Уголовное судопроизводство было капканом для подсудимого. Мучительные пытки считались неизбежными спутниками следствия, направленного исключительно на то, чтобы добиться сознания обвиняемого, которое всегда служило основой обвинительного приговора. Пытка всегда достигала намеченной цели; под влиянием нестерпимой физической боли жертва всегда говорила то, что нужно было следователям. Несоразмерность преступления с наказанием, неравенство наказаний, применявшихся неодинаково, смотря по тому, к какому сословию принадлежал подсудимый, коварные допросы, или, как они назывались у нас в дореформенное время, «допросы с пристрастием», направленные не для уяснения истины, а чтобы спутать, сбить с толку обвиняемого, обезумевшего от боли, вынужденного сознаться в своей вине, тайна следствия, застенок и, наконец, самый способ казни, обставленной ужасающими аксессуарами, – все это, вместе взятое, составляло предмет ужаса

для населения, низводило судебный приговор на степень бесчеловечного убийства, совершаемого на законном основании. До какой кощунственной жестокости доходила забота законодателя о последних минутах человека, приговоренного к смертной казни, видно из ордонанса Франциска I от 1534 года. В силу этого ордонанса лицам, приговоренным к колесованию, «должны быть сломаны и раздроблены руки в двух местах, сверху и снизу, а равно хребет, ноги и бедра. Затем их кладут на высокое колесо, поставленное на возвышении, лицом к небу, и в таком положении они должны оставаться в живых, чтобы покаяться, до тех пор, пока это будет угодно нашему Господу оставить их».

Кровь стынет, когда читаешь описание мук, которые претерпевали приговоренные к разным видам смертной казни. Изобретательность средневековых криминалистов была поистине изумительна. Одного факта лишения жизни подсудимого было недостаточно. Надо было усугубить терзания несчастного, замученного страшными пытками, на которые смотрели как на неизбежный обряд предварительного следствия. Вся тяжесть тогдашней карательной системы падала исключительно на простонародье; привилегированные классы имели в этом отношении огромное преимущество над плебеями. Они судились особыми сословными судами, утонченные виды бесконечного мучительства реже применялись к ним, нежели к вилланам.

К смертной казни приговаривались не одни убийцы и поджигатели – она часто применялась к обывателям, вся вина которых заключалась в неаккуратном взносе пошлин или штрафа, наложенного в размере 50 рублей. Откупщики могли казнить лиц, виновных в контрабандном провозе табака и соли. Курьеры имели право требовать быстроногих лошадей; если на станциях не оказывалось таковых, то содержатели почтовых станций подвергались казни через повешение. В доказательство этого права на подорожных красовались три виселицы – на страх нерадивым почтосодержателям. Папа Пий V установил смертную казнь для несостоятельных купцов, особенно если было доказано, что несостоятельность произошла по собственной вине, вследствие беспечности или роскошного образа жизни.

Тогдашняя Франция ничуть не отставала в этом отношении от своей заальпийской соседки. Г-жа де Севинье, рассказывая об усмирении волнения среди бретонского сельского населения, в эпоху «короля-солнца» Людовика XIV, наивно удивляется, как это не надоедает все вешать крестьян. «Nos paysans ne se lassent pas de se faire pendre!»[5] – с умилением восклицает она. В 1757 году некто Дамьен ранил короля Людовика XV перочинным ножом, что, конечно, вызвало взрыв народного негодования. Власти не

знали, что бы такое предпринять для сугубого возмездия и достойного наказания преступника. Собственные средства оказались недостаточными для того, чтобы устроить примерную казнь. Было учреждено нечто вроде конкурса между всеми судебными округами государства, чтобы выслушать мнения сведущих людей: какое самое мучительное наказание надо применить в данном случае. Мнения разделились. Парижские юристы высказались, что Дамьена следует гладить горячими утюгами, заливать его водой или медленно раздробить ему ноги, продетые между двумя столами. «Сердобольные» законоведы Дьеппа и Руана полагали: повесить Дамьена за ногти, вложенные в щипцы, или раздробить ему пальцы; Метца – вбить ему гвозди под ногти; Безансона – вздернуть его на дыбу; Отэна – облить его кипящим маслом и поджечь. Самую зверскую пытку выдумал Авиньон. Врачи, призванные на совещание, нашли, что лучшее средство расправиться с обвиняемым – надеть на него так называемые «ботинки». Мнение людей науки восторжествовало. Обвиняемого обули в огромные металлические башмаки, наполнив свободное пространство, отделяющее ноги от стенок обуви кипящей смолой. Дамьен выдержал эту пытку с замечательным бесстрашием, заявив раз навсегда, что у него не было сообщников. Следователи нашли, однако, что эти тиранства не достигают цели. Более полутора часов мучился страдалец, претерпевая невероятные муки. Сначала на медленном огне сожгли его руку, в которой он держал нож отцеубийцы; все туловище рвали клещами, в течение целого часа его обнаженное тело гладили горячими утюгами в разных направлениях. В образовавшиеся раны и язвы вливали кипящую смолу, масло, воск и растопленный свинец… Более часа с четвертью продолжались эти нечеловеческие муки, пока несчастный не испустил дух. Смертные останки казненного были преданы сожжению, ближайшие родные – отец, жена и сын – приговорены к вечному изгнанию из пределов государства, брату приказано переменить фамилию. Дом, где он родился, был срыт до основания.

До какой степени эти зверские расправы имели растлевающее влияние на общество, можно видеть по следующему примеру. Даже такой общественный деятель, как Вольтер, постоянно ратовавший за уничтожение пытки и смертной казни, высказывал иногда мысли, от которых коробит современного читателя. Зверь-человек иногда сказывался в великом мыслителе. «Ходит слух, – писал он графине Люксембург, – что преподобный отец Малакрида колесован. Да будет благословенно имя Божие!» «Мне пишут, что в Лиссабоне сожгли живьем трех иезуитов. Вот это, действительно, утешительные новости!» – восклицает друг и

покровитель Беккариа, которого последний превозносил за его бесстрашную борьбу со сторонниками всякого членовредительства.

Восприимчивый, чуткий ко всякому человечному порыву, Беккариа глубоко скорбел об этих вопиющих безобразиях, творимых органами суда «во имя правды и справедливости». Он был знатоком права, отлично окончил курс юридических наук в Павии, даже получил звание лауреата, – но его занимало не бесплодное буквоедство записных законников. Он не мог мириться с тупым, не рассуждающим поклонением букве закона. Ему была противна деморализующая страсть к юридической казуистике, которую иные смешивают с правоведением. Он доискивался не буквального толкования смысла данного закона, но общей руководящей мысли законодателя, того, что римские юристы называли ratio legis. Понятно, что Беккариа не мог сочувствовать мертвящему формализму современных ему законников, так и застывших в преданиях, унаследованных от римлян. Как последователь энциклопедистов, он применил метод анализа и разъедающей критики ко всем правовым институтам, опутавшим общество, погруженное в пучину ежедневных забот, суеверия и рутины. Кружок единомышленников, таких же молодых энтузиастов, преданных идее общего блага, занялся изучением уголовного права и процесса как таких отраслей юриспруденции, которые имеют огромное влияние на улучшение народной доли, на развитие общественности, уяснения правового строя, который более всего нуждается в неотложном преобразовании. Несмотря на увлечение теорией, проповедуемой Руссо в его «Contrat social», блестящими достижениями литературы заальпийских соседей, Беккариа и его молодые друзья никогда не упускали из виду ближайшей цели своих мечтаний – изменение уголовного законодательства в Италии. Не паллиативных мер добивались они, не частичных улучшений той или другой отрасли права, а коренного обновления принципов, на которых зиждется учение о преступлении и наказании. Все обветшалое, неразумное, бесчеловечное должно исчезнуть, уступив место новым взглядам, которые соответствовали бы возрастающим требованиям прогрессивного общества.

Эти идеи требовали большей аудитории, нежели частные беседы в тесном кружке, где с пылом, свойственным молодежи вообще, а итальянской в особенности, дебатировались все вопросы, волновавшие лучшие умы современников. Печать могла и должна была сослужить эту службу – вот причина основания журнала «Il Caffé», под именем которого был впоследствии известен кружок Беккариа. Вследствие придирчивости местной

цензуры, не все печаталось в родном городе Чезаре, некоторые статьи появлялись в других городах разрозненной тогда Италии, где цензурное ведомство относилось благосклоннее к литературным произведениям молодых патриотов. Пылкие сотрудники журнала, служившего органом кружка реформаторов, на первых же порах объявили войну «тирании педантизма», доказывали важное и почетное значение публицистов, достойных этого звания, скомпрометированного бесчестными элементами, распространяющими вокруг себя одну вражду и растление. Истый публицист имеет не меньшее право на уважение, чем любой деятель, посвятивший свою жизнь мирному и добросовестному возделыванию обширных областей человеческого знания. Для таких публицистов время, переживавшееся тогда Италией, представляло благодарное поле для плодотворного воздействия на общественное мнение страны.

Разрозненная Италия поражала пестротой своих законодательств. О едином общем кодексе, обязательном для населявшего Апеннинский полуостров народа, не могло быть и речи. Каждое герцогство и королевство – а их было немало – управлялось особыми законами, отличавшимися большею или меньшею суровостью, большим или меньшим несоответствием насущным потребностям населения. Пытки, безраздельно царившие во всех судах, светских и духовных, считались институтом несокрушимым, основой правильного отправления правосудия. Протест против этого векового учреждения был немыслим, это считалось покушением на целость государственного организма, призывом к анархии и распаду основ благоустроенного общества. Малейший намек на неудовлетворительное состояние карательной системы государства приравнивался к. провозглашению безнаказанности преступлений. Такие мнения считались не только еретическими, но прямо направленными к ниспровержению элементарных требований Божеской и человеческой справедливости. Устрашительный характер жестоких наказаний не нуждался в оправдании своей утилитарной задачи. Устрашение было целью, а не средством для исправления преступника, подвергшегося наказанию. Об исправлении арестанта, о предупреждении преступления в те времена мало кто заботился. Только папское правительство постаралось устроить исправительные приюты, чтобы отделить малолетних преступников от взрослых, – но и эти приюты были малочисленны и весьма далеки от совершенства. Духовенство действительно обратило внимание на улучшение положения узников, которое было просто невыносимым. Участие его, впрочем, выразилось скорее в заботах о спасении *душ*

осужденных и подследственных, нежели в стараниях улучшить материальный быт заключенных. Одна конгрегация, состоявшая из знати, откровенно высказала свой взгляд на предлежавшую ей задачу. Как люди, изучившие на деле искусство хорошо пожить, они будут «преподавать осужденным правила хорошо умереть». Вся их деятельность исчерпывалась чтением молитв во время казни, пением панихид по совершении казни и перенесением трупа казненного на кладбище.

Глава II

Совместное изучение действующего уголовного права. – Результатом этого изучения явился знаменитый трактат «О преступлениях и наказаниях». – Цель трактата. – Содержание его. – Классификация преступлений. – Давид и Голиаф

По характеру своему Беккариа не принадлежал к числу бойцов, которыми так богата история Италии, бойцов, готовых запечатлеть мученической кончиной истину своей проповеди. Он слишком был привязан к своему домашнему очагу, чтобы жертвовать спокойствием семьи или своим благосостоянием, позволявшим ему пользоваться всеми благами жизни, ради торжества отвлеченных идей, которым он был беззаветно предан. Жизнь он вел спокойную и уединенную, действовать же на общество мог только в тиши своего кабинета, а не на форуме. Он жил в ладу с власть предержащими, пользовался даже покровительством наместника Ломбардии, графа Фирмиани, и, как видно, не особенно тяготился порабощением своей родины, которая тогда принадлежала Австрии. Он не раз говорил, что предпочитает довольствоваться скромною ролью «защитника человечества, нежели быть его мучеником». В этом отношении он имел много сходных черт с типическими представителями немецкого ученого мира, этими бесстрашными героями в области мысли и заурядными филистерами в частной и общественной жизни.

Всестороннее изучение действующего уголовного права вместе со своими ближайшими друзьями, братьями Вери, которые являлись одними из самых деятельных сотрудников кружка, привело Беккариа к сознанию неотложной потребности подвергнуть основательному анализу действующее законодательство. Надо было установить грань, отделяющую задачу законодателя от деятельности судьи, и коренным образом изменить ход предварительного следствия. Надо уничтожить келейное производство, тайну следствия и суда, участие шпионов, произвольное лишение свободы, бесчеловечные пытки и кровавые репрессалии. Судья не должен быть единоличным, он должен быть окружен советниками, лучше всего присяжными заседателями, которые со свойственными им здравым смыслом и житейским опытом быстрее разберутся в массе собранных улик, нежели односторонний юрист, помешанный на непререкаемости «теории законных доказательств». Записной законник не придает

цены внутреннему убеждению, которое, по словам Беккариа, «легче чувствуется, нежели отчетливо выражается». Сами судебные приговоры должны быть написаны ясным и понятным для всех языком; о законах, имеющих общенародное значение, и говорить нечего. Они должны быть доступны всем гражданам, а не одной только касте правоведов.

От законодателей и правоведов автор переходит к классификации преступлений. Понятие об «оскорблении величества» должно быть сужено; ему придавалось во времена Беккариа слишком широкое толкование, между тем как оно должно исчерпываться только пределами деяния, действительно, а не мнимо вредящего достоинству правителя или государства. Деяния, за совершение которых придется впоследствии дать отчет перед Высшим Судьей или не влекущие за собою бесчестья, не должны быть наказуемы. Власть только тогда имеет право карать, когда она раньше испробовала уже все средства для предупреждения преступления. Все участники преступления подлежат наказанию, которое должно следовать за виновным, как тень, сливаясь нераздельно с мыслью о законопротивном деянии. У виновного должна быть отнята всякая надежда на безнаказанность; никакое право убежища на чужой территории не должно мешать государству в исполнении этой задачи. Конфискация имущества представляется Беккариа явлением вопиющим, позорящие наказания – нелепостью. «Чтобы лишить наказание характера насилия со стороны одного или многих против частного человека, – говорит он, – нужно, чтобы оно было публичное, быстрое, необходимое, возможно минимальное и законосообразное». В этих заключительных словах трактата вкратце выражен весь результат размышлений автора о недостатках существующего законодательства и средствах к их изменению.

Разбирая историю людских учреждений, Беккариа имел в виду исключительно человеческую справедливость. Несправедливость, являющаяся результатом нарушения общественного договора, называется преступлением. Оно карается людским судом, а не законами, исходящими от Бога и связанными «с понятиями о посмертных муках или загробных наградах». Поэтому он и не затрагивал области «греха как деяния, нарушающего отношения Бога и людей». Ему нужно было установить точное разграничение понятий о преступлении и проступке; о законодателе и судье, о мере наказания, о форме правления, правах и обычаях жителей как факторов, влияющих на нравственное состояние данной страны. В числе вопросов, наиболее волновавших Беккариа, вопрос о смертной казни и

пытке занимал самое значительное место.

Плодом этих размышлений о несовершенстве существующей системы карательной деятельности государства явился знаменитый трактат «Dei delitti et delie pene». Этот протест возмущенной общественной совести против бесчеловечной уголовной репрессии был, действительно, достойным подвигом «философа, имевшего мужество бросить из глубины своего мрачного кабинета в толпу несколько семян небесполезных для общественной пользы истин». Много тягостных минут переживал Беккариа, работая в течение года над своим трудом. Робкий, нерешительный, с ленцой, он не раз хотел бросить свою работу, не чувствуя достаточно силы воли, чтобы довести ее до конца. Только благодаря настояниям и нравственной поддержке своих друзей, особенно братьев Вери, он справился с поставленной задачей. Неустрашимый витязь правды, в глубине души он трепетал за свою судьбу, опасаясь всяческих преследований. Ему мерещились кандалы, заточение, ссылка и другие ужасы, хотя, по правде сказать, ему нечего было опасаться – ввиду того, что он пользовался покровительством наместника Ломбардии. Но у страха глаза велики, и этот страх был внушителен не только во время писания, но и тогда, когда Беккариа решился передать свой труд в печать. Он отпечатал его не в родном городе, а тайком, в Ливорно, без обозначения фамилии автора, – в виде пробного шара. Опыт удался, и очень может быть, Беккариа стал раскаиваться в том, что местами умышленно писал туманным языком, дабы не раздражать цензуру. Вот как он сам объясняет это в письме к своему переводчику, аббату Мореллэ, удивлявшемуся этому оригинальному способу умиротворения мрачной цензорской придирчивости: «Я Вам должен сказать, что, когда я писал, у меня перед глазами витали образы Макиавелли, Галилея и Джаноне, в ушах раздавался лязг цепей, потрясаемых суеверием и криком изуверов, которыми стараются заглушить голос истины. Вид этого ужасающего зрелища не раз заставлял меня заволакивать свет ясной мысли туманными облаками. Я желал быть защитником человечества, но никак не его мучеником».

«Если бы твоя дружба меня не поддерживала, – писал он 13 декабря 1764 года своему другу, графу Петру Вери, – я бы давно бросил свой проект, потому что по врожденной лености предпочел бы остаться в неизвестности». Удачный опыт с безымянной брошюрой, выпущенной в Ливорно, доказал ему, что советы друзей были вполне практичны и основательны. В начале 1764 года Беккариа предстал перед читающей публикой со своим трактатом, появившимся в Милане. Над этим капитальным

трудом, доставившим ему неувядаемую славу, Беккариа работал без малого год. Автору тогда пошел 27-й.

О впечатлении, произведенном трудом Беккариа в среде мыслящего общества всей Европы, мы поговорим впоследствии. Теперь же займемся рассмотрением выдающихся мест этого трактата, составившего эпоху в истории уголовного законодательства.

Несмотря на тягостные цензурные условия, заставлявшие автора прибегать к метафорам, испещрять свою речь разными техническими терминами, заимствованными из области точных наук, Беккариа мастерски совладал со своей далеко не легкой задачей. Он написал книгу, отличающуюся сжатостью изложения, – изложения трезвого, выразительного; составленную с редким «искусством в немногих словах заставить продумать многое», – по меткому выражению одного из его лучших биографов, известного писателя Чезаре Канту.

Главные положения этого трактата заключаются в немногих требованиях, предъявленных к законодательству, нуждающемуся в обновлении. Исходя из принципа, провозглашенного Ж.-Ж.Руссо, что современное государство образовалось путем общественного договора, Беккариа рассматривает уголовное право как право договорное. Поэтому, по его мнению, надо отделить Божеское правосудие от человеческого. Первое имеет дело с нарушением правил строгой этики, второе – рассматривает проступки, направленные на разрушение гармонии человеческого общежития. Дело богословов – решать спорные вопросы о том, где кончается область правды и начинается кривда, что богоугодно и что греховно, – тут юристы ни при чем. Ближайшая же цель человеческого правосудия – распределение наибольшей суммы счастья между наибольшим числом людей. «La massima felicitá, divisa sul maggior numero». На обвиняемого не надо смотреть a priori как на виновного. В обвиненном надо видеть человека – правда, опасного, такого, от которого следует охранять общество, – но человека, которого необходимо исправить, лишив его возможности вредить обществу. Цель наказания должна состоять не в том, чтобы мучить людей, «подвергать страданиям существа чувствительные или уничтожать за уже содеянные преступления». Оно должно быть по возможности умеренное, насколько это позволяют требования общественной безопасности, быстрое, законосообразное, без келейности и произвола. Оно должно быть утилитарное, справедливое, лишенное устрашающего характера, иначе оно обращается в акт публичной мести, – а месть несовместима с достоинством государства». Наказания, превышающие необходимость охраны общественного

спокойствия, несправедливы по своему существу. «Всё, что дышит местью, желанием репрессалии, должно быть отменено. Пытка должна быть уничтожена, как и все позорящие наказания или такие вопиющие несправедливости, как конфискация имущества, карающие неповинных наследников. Смертная казнь причиняет непоправимый вред, она переступает пределы полномочия, данного обществу для его самозащиты, и поэтому подлежит отмене. Если бы законодательство и уголовная юстиция находились на высоте своей задачи, тогда само собой исчезло бы право помилования. Не предстояло бы никакой надобности прибегать к этому последнему средству, еще находящемуся в распоряжении осужденного».

Трактат состоит из 42 глав, распределенных далеко не равномерно. Установив основные начала законодательства, автор рассматривает в восьми главах всё, что, по его мнению, относится к формальному праву; остальные главы посвящены вопросам материального права. Беккариа не был юристом в строгом значении этого слова, поэтому в распределении собранного материала не стеснял себя принятой у юристов классификацией. Вопросы судопроизводственные смешаны с материальным правом; проступки, коренящиеся в области нарушения обязательных отношений граждан между собою, чередуются с вопросами чисто этического свойства. Вот, например, содержание некоторых глав, следующих почти одна за другой: оскорбление величества, дуэль, кража, контрабанда, банкротство, тунеядство, самоубийство. Рядом со значительнейшими главами о смертной казни и конфискации имущества стоит глава о бесчестии. Срок уголовной давности рассматривается следом за главой о пытке, теперь потерявшею свой raison d'être, но в свое время производившей огромное впечатление как смелый протест против безнравственного института, считавшегося неприкосновенным. Все эти мелкие отступления от несколько придирчивых требований отупевших представителей казеннокоштной науки нисколько не мешают целостному впечатлению, производимому этим удивительным трактатом, сокрушившим обветшалое здание, от которого веяло ужасом могилы, страхом не смерти, а бесконечного процесса мучительного прекращения жизни. Ни к одному произведению юридической литературы за истекающее столетие так не подходит меткая характеристика творения Беккариа, сделанная одним из лучших наших современных юристов-мыслителей. «Маленький камень, – говорит В. Д. Спасович, – брошенный ловкою рукою из пращи этого молодого Давида, поразил в самое чело и ниспроверг гиганта средневековой юриспруденции. Павший гигант уже и не поднялся

более. Пытка и теория законных доказательств, коварные допросы, присяги обвиняемого в своей невиновности, приговоры, основанные на обвинениях от не объявляемых лиц, были сразу и окончательно осуждены; смертная казнь обречена на постепенное, хотя и медленное, упразднение».

«Гигант», с которым Беккариа решился вступить в отчаянный бой, состоял, по его собственным словам, из нескольких «обломков законодательства древнего народа-завоевателя, собранных по приказанию государя, царствовавшего в Константинополе двенадцать веков тому назад. Впоследствии они смешались с обычаями лонгобардов и, внесенные в беспорядочные томы частных и темных комментариев, образовали то древнее смешение понятий и мнений, которое большая часть Европы почему-то удостаивает имени закона». Вот этот-то безобразный кодекс, составляющий чудовищный продукт самых «варварских веков», автор желает разобрать критически. Другими словами, он собирается взорвать этот чудовищный остаток безобразной старины и на месте, очищенном от всякого средневекового хлама и мусора, возвести здание, достойное новейшего времени.

В какой мере удалось справиться Беккариа со своим покрытым вековой пылью Голиафом, видно из того факта, что все его пожелания и проекты сделались давно совершившимся фактом, войдя в плоть и кровь новейших законодательств Европы.

Глава III

Право государства наказывать. – Необходимость отделения законодательной деятельности от судебной. – Процессуальные неудобства. – Смертная казнь. Справедлива ли она? Необходима ли она? – Агитация в пользу отмены смертной казни. – Пытки. – Бесполезность и безнравственность этого способа доказательства. – Конфискация имущества. – Ненаказуемость самоубийства. – Предупреждение преступлений

Высказав свое основное положение: главная задача государства состоит «в наибольшем распределении счастья между наибольшим числом граждан», – автор замечает в предисловии, что давно пора философам обратить внимание на угнетаемых, на наказания, с такой бесполезной жестокостью расточаемые за бездоказательные преступления и химерические проступки, на страшное состояние тюрем и мест заключения, ужас которых увеличивается самою невыносимою пыткою для несчастных – неизвестностью того, что их ожидает в будущем. Коснувшись карательной деятельности государства, Беккариа ставит вопросы, требующие неотложного решения «с геометрической точностью, которая бы восторжествовала над изворотливостью софистов, сомнениями робких людей и обольщением красноречия». Вот вопросы, составляющие преимущественное содержание его плодотворного труда: «Каково происхождение наказания, и в чем состоит основа права государства наказывать? Какие наказания более всего подходят к различным преступлениям? Действительно ли смертная казнь *полезна* и *необходима* для безопасности и доброго порядка в обществе? *Справедливы* ли пытки и всякие мучения, достигают ли они цели, намеченной законом? Какой лучший способ для предупреждения преступлений? Одни и те же наказания одинаково ли полезны во все времена? Какое влияние оказывают наказания на нравы?»

«Если мне удастся, – продолжает он, – защищая права общечеловеческие и требования непобедимой истины, спасти от ужасов и мучений смерти хоть одну несчастную жертву жестокости и невежества, одинаково беспощадных, то слезы и благословения одного невинного, вырвавшиеся из груди его в порыве восторга, вознаградят меня за презрение толпы».

Право наказывать, рассмотрению которого посвящена вторая глава, Беккариа основывает на фикции общественного договора.

Для поддержания порядка в государстве каждый из граждан, входящих в его состав, пожертвовал частичкой своей личной свободы. Из совокупности этих частичек составилось право общественной власти карать всякое нарушение правил, освященных договором. Малейшее уклонение власти от этого базиса составляет злоупотребление, а не правосудие. «Наказание, не вызванное необходимостью сохранения государства как хранилища общественного спокойствия, несправедливо по своей природе. Чем больше вольностей монарх дает своим подданным, тем справедливее наказания, тем священнее и неприкосновеннее безопасность и права граждан».

Логическим последствием этих принципов является необходимость отделения законодательной деятельности от судебной (гл. 3). Законодатель как представитель общества во всей его совокупности составляет законы, направленные к ограждению общества от нарушителей. Применение закона к каждому данному случаю составляет обязанность судьи.

Теперь эти азбучные истины представляются анахронизмом. Но во время Беккариа это был очень спорный вопрос. Мысль, впервые провозглашенная Монтескье, о необходимости разделения властей законодательной, судебной и административной находила множество убежденных противников.

Обычай тогдашней магистратуры вторгаться в область законодательных функций вызвал едкую критику со стороны Беккариа. По его мнению, единственным легальным толкователем закона может быть только монарх как представитель государства, но никак не судья, обязанный лишь решать конкретный вопрос: совершил ли такой-то или не совершил законопротивное деяние? Судейское решение сводится к следующему силлогизму: «первая посылка – закон; вторая – деяние, сообразное или несообразное с законом; заключение – свобода или – наказание». Если судья что-либо прибавляет от себя, все становится туманно и неизвестно. Самая опасная аксиома – ходячее мнение о необходимости сообразовываться с духом законов. Это значит открыть все шлюзы и предоставить законы течению мнений. Не все люди рассуждают одинаково; различие судейского темперамента, опыта, знания, взгляда на данное нарушение может отражаться на судьбе обвиненного. При существовании же буквального толкования закона каждый знает в точности, какие невыгодные последствия влечет за собою преступное деяние, и будет избегать этой опасной тропинки.

Если произвольное толкование закона составляет неудобство, то неясность его составляет зло.

Следующие главы, с шестой по шестнадцатую, посвященные разбору разных процессуальных вопросов, несмотря на всю их важность, теперь в значительной степени потеряли свое значение. Самая значительная глава о пытке представляет теперь не более как интерес, так сказать, архаический. Сколько труда, таланта, увлекательного красноречия надо было употребить для того, чтобы доказать те простые истины, что произвольное лишение свободы гнусно, что места заключения не должны походить на ад кромешный, что самый факт заключения под стражу не налагает позорящего пятна на репутацию человека, невиновность которого впоследствии удостоверена судом, что требовать присяги от обвиняемого в том, что он невиновен, безнравственно, потому что это дискредитирует религию, к помощи которой прибегают, чтобы заставить человека давать заведомо ложную присягу с целью самосохранения, что задача органов следствия и суда состоит в раскрытии материальной истины, а не в том, чтобы охотиться за обвиняемыми, как за пушным зверем, расставляя им капканы и тенета. Все несовершенства инквизиционного процесса, с его письменным производством, тайной следствия и суда, очными ставками, невозможностью отвода судей, лишением подсудимого всяких средств к самозащите, теорией законных доказательств, значением косвенных улик, игнорированием внутреннего убеждения, которое, по словам Беккариа, должно служить основой судебного приговора, – все эти недостатки, с участием доносчиков в процессе, выставлены так рельефно и убедительно, что вопрос об их негодности и необходимости отмены представляется неизбежным. Пересказ содержания этих прекрасных страниц, написанных с замечательной теплотой, увлекательным языком, представляется невозможным. Пришлось бы перепечатать весь трактат дословно, что не входит в нашу задачу. Эти драгоценные перлы высокой гуманности, рассеянные по всей книге, внесли много света и теплоты в мрачную, неприветливую область отправления уголовного правосудия конца прошлого и начала нынешнего столетия.

Оставляя в стороне множество ценных соображений по поводу учения о покушении, участии в преступлении, о смягчении наказаний, о давностном сроке, – соображений, которые теперь сделались общим местом для любого учебника и любого кодекса, мы прямо перейдем к капитальному животрепещущему вопросу, доныне не решенному ни наукой, ни практикой, – к вопросу о смертной казни.

Первый вопрос, возникающий в уме мыслителя, когда он приступает к решению этой запутанной дилеммы, следующий. Действительно ли полезна смертная казнь и справедлива ли она в

хорошо устроенном государстве? За этим первичным вопросом следует целый ряд других, не менее важных вопросов, вытекающих из условий охраны общественного порядка.

«Если я докажу, – говорит Беккариа, – что смертная казнь ни полезна, ни необходима, то я выиграю дело человечности».

Необходимой она может быть лишь в двух случаях – во время междоусобных войн, когда вместо обычного законного порядка свирепствует анархия, когда человек, даже лишенный свободы, может благодаря своим связям нарушить общественную безопасность, ниспровергнуть существующий порядок. Но в мирное время, когда государство хорошо защищено извне, разумно управляется внутри, когда отношения между правителем и управляемыми вполне нормальны, не предстоит никакой надобности лишать жизни гражданина, – разве только эта казнь одна может устрашить других и помешать новым преступлениям. В таком только случае смертная казнь представляется необходимостью.

Вековой опыт доказал, что смертная казнь никогда не останавливала решительных злодеев в их посягательствах вредить обществу. «Пример римских граждан и двадцатилетнее царствование русской императрицы Елизаветы, показавшей отцам народов блистательный пример, имеющий гораздо большую ценность, нежели победы, одержанные ценой крови сынов отечества, убедят в этой истине людей, глухих к голосу разума, но преклоняющихся перед авторитетом власти. Стоит только изучить натуру человека, чтобы убедиться в правоте моего замечания».

Многие полагают, что обстановка, при которой совершается казнь, имеет устрашительный характер для народа. Беккариа с этим не согласен. Перспектива долговременного лишения свободы, сопровождаемого принудительными работами, скорее достигает цели устрашения, нежели минутное потрясение, произведенное видом казни, – потрясение, вскоре забываемое. Мысль о долговременной каторге скорее наводит спасительный страх на умы порочных людей, нежели боязнь смерти, представляющейся в туманной дали и значительно ослабляющей представление о ее ужасе. Для большинства зрителей смертная казнь не более как зрелище; для меньшинства это предмет негодования, смешанного с жалостью к казненному. Во всяком случае, результат ее равняется нулю, – как результат драмы, виденной на сцене. Зритель приходит домой таким же, каким он пришел в театр: скупой возвращается к своим кованым сундукам, злой и безнравственный человек не прекращает своих гнусностей.

Доказывая преимущество каторги перед смертной казнью,

бесповоротно лишающей надежды на исправление человека, Беккариа утверждает, что единственное средство спасения народных масс заключается в солидном перевоспитании и укреплении нравственных начал, расшатанных обстоятельствами и нуждой.

Публичная смертная казнь бесполезна и развращает общество видом жестокого кровопролития, совершаемого принародно. Довольно кровопролития и жестокости во время войны, чтобы повторять это варварство в мирное время с такой помпой. Не дико ли, в самом деле, что те же самые законы, которые сурово наказывают убийство, разрешают устройство публичного убийства, чтобы отвратить людей от пролития крови! Смертная казнь ненавистна народному духу, стоит только припомнить ужас и негодование, появляющиеся в народе при одном виде палача. А чем палач виноват? Он не более как исполнитель требования общественной власти, он так же содействует благу государства, защищая его внутреннюю безопасность, как солдат – внешнюю.

Чем же объяснить подобные вопиющие противоречия? В глубине нашей души слишком живуче чувство, не допускающее, чтобы человек имел законное право лишать жизни своего ближнего. История человечества – это целый безбрежный океан ошибок, на поверхности которых иногда появляются непризнанные истины. Пусть не указывают на примеры всех народов, допускавших смертную казнь. Эти примеры малоубедительны. Ведь никто не станет одобрять человеческие жертвоприношения, бывшие в обычае у всех первобытных народов.

«Голос философа, – заканчивает Беккариа эту чудную главу, – слишком слаб, его постараются заглушить шумные крики фанатических сторонников рутины и предрассудков. Но мой голос найдет отклик в сердцах немногих мудрецов, рассеянных по поверхности земли, а они одобрят мои усилия. И если эта истина достигнет, несмотря на все препоны, слуха монархов, – пусть они знают, что в этой истине заключаются затаенные пожелания всего человечества, что, если они возьмут под свое покровительство эту святую истину, их слава будет лучезарнее всех великих полководцев и благодарное потомство поместит их на первом месте, рядом с мирными трофеями Титов, Антониев и Траянов».

Эта глава составляет венец творения Беккариа, основу его славы. Никто до него так горячо не отстаивал дело права и человечности, никто не говорил таким вдохновенным языком, вернее, глаголом, который, по словам поэта, может «жечь сердца людей». И его мощный глас был услышан. Движение, вызванное его книгой, до сих пор не улеглось; в его родном городе до сих

пор издается журнал, всецело посвященный этому вопросу. Он так и называется: «Giornale per l'abolizione delia pena di morte».

С неменьшею страстностью и непререкаемой логичностью ратовал Беккариа против пытки. Это «бесчестное средство для открытия истины», этот «памятник варварского законодательства наших предков, установивших „Божьи суды“ и так далее, глубоко возмущали нашего философа-гуманиста. Он не мог мириться с безнравственным требованием закона, чтобы человек, под воздействием нестерпимых физических страданий, сделался поневоле своим собственным обвинителем. Тут истина, требуемая судом, заключается в крепости мускулов, в закаленности организма. Закон, допускающий пытку, говорит: „Люди, выдержите физическую боль! Природа дала вам непобедимую любовь к своему естеству и неотъемлемое право самозащиты. А я хочу внушить вам противоположные чувства: геройскую ненависть к самим себе, я хочу заставить вас быть самообвинителями, говорить правду под пыткой, раздробляющей ваши кости, раздирающей ваши мускулы“. В результате оказывается, что виновный, обладающий крепким здоровьем, выходит сухим из воды, а невинный, но слабосильный погибает жертвой судейского педантизма. Вопрос сводится к крепости мускулов, к простой формуле, достойной скорее медика, нежели судьи. Пытка составляет бесчестие (infamia), ей подвергается человек с запятнанной репутацией, – следовательно, одним бесчестием желают смыть другое.

Приводить все аргументы против пытки, высказываемые автором, мы не станем, потому что эта глава утратила теперь всякое практическое значение, пытки давно исчезли не только в теории, но и на практике. Но в прошлом веке понадобилось много усилий великих умов, чтобы доказать бесполезность и позор этого способа вымучивания признания. Люди нескоро и неохотно расстаются с наследственными предрассудками. На наших глазах, в начале 60-х годов, происходила памятная полемика по поводу проекта отмены телесных наказаний в России.

Человек, нарушающий законы своей страны, возмущающий общественное спокойствие, подлежит исключению из среды общества, договорные обязательства которого он презирает. Другими словами, он должен быть изгнан. Как же поступить с его имуществом: конфисковать ли его в пользу казны, чтобы отнять у него возможность вредить покинутой родине, или отдать законным наследникам?

Беккариа высказывается против конфискации, имеющей множество гибельных сторон. Конфискация может обратить в преступника честного человека, доведенного лишением

имущества до нищеты, и затем жестоко карает ни в чем не повинное семейство осужденного к изгнанию, – семейство, которое обыкновенно слепо повинуется своему главе и не имеет возможности не только помешать беде, но и принять меры против грозящего материального бедствия, сопряженного с позором.

Позорящие наказания должны быть вообще крайне редки, потому что от частого употребления этого средства притупляется значение подобной кары. Бесчестие не должно поражать большое количество лиц, потому что коллективное бесчестие перестает быть бесчестием для каждого отдельного лица.

Ратуя за соответствие наказания преступлению, за смягчение наказания, которое должно быть, по возможности, умеренным и быстрым, автор восстает против остатков старины, вроде права убежища на чужой территории, или обычая назначать награду за поимку злодея. Последнее ему представляется в таком виде, что каждому гражданину дают в руки кинжал, готовя его к роли палача! Наказание должно быть неизбежно.

«Пусть законодатель, – говорит Беккариа, – будет гуманен и снисходителен, но законы должны быть неумолимы, исполнение их – неукоснительно. Что касается меры наказания, то она должна соответствовать действительному вреду, наносимому обществу преступлением, а не намерениям подсудимого или общественному положению потерпевшего».

Приступая к классификации проступков, он переходит к определению так называемого «оскорбления величества». Этим именем назывались ересь, богохульство, кощунство, колдовство и тому подобные преступления. Невежество и тиранство имеют дар спутывать самые ясные понятия, и потому в категорию этих проступков попало множество недоразумений, к которым применяют самые жестокие наказания. Все преступления вредят обществу, – но не все преступления имеют целью его разрушение. Поэтому надо сообразовываться с нравственными двигателями, положительными последствиями, местом и временем – и отказаться от прежней системы суровой репрессии. Равенство наказаний является одной из основ обновленного законодательства. Все несчастия в людском общежитии происходят именно от этого неравенства. Говоря об оскорблении чести, на которую имеет право каждый гражданин, Беккариа указывает на средство уменьшения дуэлей – в окончательное их упразднение он, кажется, плохо верит. Карать дуэль смертной казнью бессмысленно, – но что вызывающий не должен остаться безнаказанным, это тоже несомненно. Можно освободить от ответственности лицо, вынужденное силой сложившихся обстоятельств принять вызов. Только этим способом можно

содействовать умалению подобного трудно искореняемого обычая.

Остальные главы трактата посвящены наказуемости имущественных преступлений, направленных против частных лиц (кража, банкротство) или казны (контрабанда, нарушение общественного спокойствия, бродяжничество и тому подобное), преступлений, коренящихся в области этики или семейных отношений, и вопросу о предупреждении преступлений. Интересны соображения Беккариа о самоубийстве, адюльтере, детоубийстве и других преступлениях, которые не всегда легко поддаются определению.

Самоубийство, по его мнению, не может быть наказуемо, потому что кара закона поражала бы безжизненный труп; подвергать же ответственности неповинное семейство самоубийцы было бы гнусно и жестоко. Самоубийца приносит менее вреда государству, нежели гражданин, оставляющий свое отечество. Первый оставляет стране все свое имущество, второй – отнимает у него не только свою личность, но и свое состояние. Не следует ли из этого, что надо ограничить свободу граждан эмигрировать в чужие края? Никоим образом, потому что государство не должно быть тюрьмою для своих граждан. Удержать их на месте можно не страхом наказания, а старанием улучшить всеобщее благосостояние и этим отнять повод искать счастия на чужбине. Вред, наносимый эмиграцией, весьма значителен, но возмездие за этот вред, точно так же, как и за самоубийство, – не дело человеческого правосудия. Эмигрант и самоубийца подлежат посмертному суду Божьему, один Бог может их судить.

Конечный вывод Беккариа о наказуемости трех видов половых излишеств: прелюбодеяния, детоубийства и самого омерзительного и скотоподобного – мужеложства – таков, что нельзя назвать полезным или необходимым наказание проступков, для предотвращения которых не позаботились принять необходимых мер, соответствующих бытовым условиям данной нации.

Мы подходим к последней, заключительной главе, которую можно назвать увенчанием здания, возведенного миланским реформатором. В чем состоит задача хорошего законодателя? Не в одном увеличении карательных законов, а в старании предупреждать преступления.

«Хотите предупредить преступления? Устройте так, чтобы законы были ясны, просты, чтобы их полюбили, чтобы весь народ готов был с оружием в руках защищать их от врагов и не было охотников нарушать их. Старайтесь, чтобы они

покровительствовали каждому гражданину. Пусть граждане их боятся, страх перед законом спасителен. Страх же перед людьми приводит к преступлениям.

Рабы всегда развратнее, подлее и более жестокосерды, нежели свободные люди. Последние занимаются науками, общественными делами страны, имеют перед собою великие примеры и подражают им. Рабы же, довольные настоящим днем, ищут в распутстве забвения того уничижения, в котором они обретаются. Вся жизнь их окружена неизвестностью, они не знают, к чему ведут их преступления, что заставляет их усугубить эти темные дела.

Хотите предупредить преступления? Старайтесь, чтобы свет науки сопровождал свободу. Науки приносят вред, когда они мало распространены… Неправда, что наука вредна для человечества! Перед ее светом исчезнут невежество и клевета, неправедная власть задрожит, одни законы останутся непоколебимыми, всемогущими».

Указав на важное значение религиозного начала, много содействовавшего сплочению полудиких людей в правильно организованные общества, для которых были изданы первичные законы, останавливаясь на Богом избранном народе, Беккариа объясняет причину накопления такой массы фальши и предрассудков, диких понятий и зверских обычаев, для борьбы с которыми нужны теперь хорошие законы и судьи, достойные священнодействовать в храме правосудия. Он вооружается против полузнания, которое гораздо вреднее, нежели круглое невежество. Представители полузнания должны быть устранены из этого святилища, в него не должен быть допущен ни один элемент растления, продажности и деморализации. Много есть способов для предупреждения преступлений. Самое действительное и плодотворное – усовершенствование народного воспитания.

В чем должно состоять это перевоспитание? Беккариа указывает на своего идола, Жан-Жака Руссо. Этот всеми преследуемый великий просветитель доказал, что воспитание детей состоит не в загромождении их памяти, а в толковом восприятии солидных знаний, в преимуществе качественности перед количественностью, оригиналов перед копиями, в знании явлений мира, нравственного и физического. Надо доказать детям пользу добродетели путем убеждения или примера, а не приказаниями, которые порождают только минутное и лицемерное послушание. Эта пора наступит еще не скоро, и только тогда единственной задачей законодательства будет народное счастье.

Вот, в сущности, главные положения знаменитого трактата, который никогда не потеряет своего значения в истории культуры европейского общества.

Глава IV

Впечатление, произведенное трактатом. – Нападки врагов реформ. – Буря, вызванная во Франции. – Перевод трактата на французский язык. – Восторг молодого поколения. – Письмо графа Рёдерера. – Посещение Парижа. – Овации. – Скорое возвращение в Милан. – Посещение Вольтера в Фернее

Появление этого трактата потрясло всю Западную Европу. Оба враждующих лагеря – друзья и враги прогресса – встрепенулись. Чувствовали и сознавали все, что труд Беккариа произведет решительный переворот, радостный для одних, ненавистный другим, что от этой искры, брошенной в массу горючих материалов, накопившихся в недрах общественной жизни, произойдет взрыв, от которого рухнет все здание средневековых правовых порядков. Это ожидание поклонников Беккариа, дружно работавших для распространения его идей, и опасение врагов, всячески старавшихся затормозить успех его книги, действительно осуществились – и очень скоро. На скромного миланского обывателя, занимавшегося философией и видевшего свою жизненную задачу в «любви к свободе, литературной репутации и сочувствии к несчастиям людей, жертв многих ошибок», вдруг было обращено всеобщее внимание. Он сделался объектом восторженных похвал и злостных инсинуаций. Имя его произносилось одними с умилением, другими с негодованием – его называли невеждой, разбойником, безбожником. Люди свободного образа мыслей чуть не молились на Беккариа; церковники и ветхозаветные законники проклинали его на всех перекрестках, изрыгали хулу на его книгу, не жалели доносов, чтобы погубить автора. В дружной травле молодого философа приняли благосклонное участие духовные и светские особы. Беккариа выставлялся то как закоренелый безбожник, заклятый враг религии вообще и католичества в особенности, то как демагог, стремящийся разрушить все основы, на которых зиждется гражданское общество. Приходилось полемизировать с набожными сикофантами в печати. Анонимные доносы начальству были несравненно мягче и безвреднее, нежели возражения, посыпавшиеся как из рога изобилия из недр клерикального лагеря. Благодаря покровительству, которым Беккариа пользовался у наместника Ломбардии, графа Фирмиани, втайне сочувствовавшего гуманным идеям молодого борца, доносы были оставлены без последствий. Зато мстительная

рать ханжей и сторонников мракобесия набросилась на Беккариа с невероятным ожесточением. С пеной у рта стали они разносить этого «бунтовщика, фанатика, опасного писателя, обманщика, необузданного сатирика». Книга его была, по мнению этих господ, «возмутительной, ядовитой, безбожной и бесчестной». Она изобилует бесстыдным кощунством, наглой иронией, скандальным глумлением, грубыми клеветами – и на кого? На представителей религии, руки которых, по словам этого безбожника, «обагрены человеческою кровью». Прелаты католической церкви, известные своею мягкостью и человечностью, оказываются изобретателями самых бессмысленных и жестоких наказаний, ересь не входит в группу преступлений «оскорбления величества»! Еретики, преданные анафеме церковью, изгнанные светскими государями, оказываются жертвами недоразумения! Одним словом, не было ни одного преступления, предусмотренного уголовным кодексом, в котором бы не оказался виновным автор ненавистного трактата, испортившего немало крови сторонникам существующих порядков.

Образовалась целая литература во Франции и в Италии из сочинений, посвященных страстному разбору теорий Беккариа, как со стороны его поклонников, так и со стороны враждебного лагеря. Граф Монтанари, доктор Вергани, профессор Джудичи, экономист Бриганти отстаивали необходимость смертной казни, адвокат Руска и другие оспаривали отмену пытки, римский юрист Роджери удивляется, что находятся люди, сочувствующие разбойникам, душегубам, которых следует казнить немедленно, на месте совершения преступления. Роджери ближе к сердцу участь обездоленных семейств трудолюбивых граждан, павших жертвами кровожадных убийц, этих негодяев, пропойц, каторжников, проливающих человеческую кровь, как воду. Вот кого надо охранять, а не заботиться о головах чудовищ, которые самой судьбой приготовлены для виселицы. В этой полемике принял участие впоследствии прославившийся Филанджиери, тогда еще молодой человек, отличный знаток английского парламентского управления, оказавший своей родине важные заслуги. У него было очень много сходных черт с автором трактата, даже семейная его жизнь была похожа на жизнь Беккариа. Но в вопросе о смертной казни Филанджиери переходит на сторону противников миланского реформатора.

Едва ли не большую сенсацию произвела книга Беккариа во Франции, где она была запрещена «за недостаток уважения к законам». Общество переживало тогда один из поучительнейших моментов своего исторического существования. Особенное

раздражение вызывало судебное сословие своими безобразными приговорами. Страна была возмущена неожиданными исходами процессов Лебарра, Сирвена, Калласа и других. Эти судилища получили огромную огласку во всей Европе, вызывая всеобщее негодование. Вольтер заклеймил судей кличкой «убийцы в тогах». Фридрих Великий высказался по этому поводу, что французские судьи не придают никакого значения человеческой жизни…

И в ту минуту, когда Вольтер вместе со своими друзьями собрался навсегда оставить Францию, где в ходу были такие судебные убийства, появилось сочинение Беккариа. Ослепительным солнечным лучом, осветившим всю глубину падения французской магистратуры, показалась вдохновенная проповедь Беккариа о полнейшей негодности всей судебной системы, отжившей свой век, требующей немедленной отмены в целом и в частях. Радостное сознание приобретения могущественного союзника переполнило сердца энциклопедистов. Они разом почувствовали, что теперь шансы общества на выигрыш увеличились. Строгие меры, принятые правительством в отношении этой книги, – она была немедленно запрещена во Франции, – только подтолкнули друзей реформы всячески содействовать распространению идей, провозглашенных Беккариа, в среде интеллигентного общества. На обеде у Мальзерба, где в числе приглашенных оказался и Тюрго, принесший с собою запрещенную книгу, было решено немедленно перевести ее на французский, что и поручили одному из гостей, аббату Морелле, который быстро справился с возложенным на него поручением.

Восторг лидеров философской школы, задававшей тон читающей публике, был безграничен. Вольтер, не откладывая дела в долгий ящик, написал обширный комментарий к этому труду. Брило де Варвилль и Дидро снабдили его примечаниями. Руссо, Бюффон, Д'Аламбер, Гельвеций, Гольбах поспешили завязать с автором дружескую переписку, осыпав его похвалами. Имя Беккариа было у всех на устах, оно стало известным в Англии, Германии и России. Бентам сказал о нем: «Вопрос о смертной казни так разработан Беккариа, что к его аргументациям ничего нельзя прибавить». Фридрих II и Екатерина II, которым Д'Аламбер рекомендовал автора «Dei delitti e délie pêne» в самых лестных выражениях, высказали желание видеть маркиза в Берлине и Петербурге. Слава его распространилась по всей Европе – благодаря энциклопедистам, находившимся в переписке с самыми просвещенными монархами континента. Но эта слава не ограничивалась одним теоретическим характером, а привела к благотворным

практическим последствиям. Учение Беккариа стало мало-помалу вытеснять предания средневековых правоведов. Пытка стала мало-помалу исчезать из судов мелких государств – сначала в Италии, а затем и в остальных странах Европы. Один из ближайших сотрудников императрицы Марии Терезии, ученый Зонненфельс, поплатился своей кафедрой в Венском университете за то, что стал проповедовать необходимость отмены пытки и смертной казни. Власти взглянули на это весьма недружелюбно, как на ересь, противоречащую порядку вещей, «установленному божескими и человеческими законами». А в скором времени Мария Терезия, убежденная доводами Беккариа, упразднила пытку.

Похвалы сыпались со всех сторон на автора трактата, которым зачитывалась французская публика. Появившиеся сочинения Мояр де Вуглана, Лерминье, Мусса и других, предостерегавшие земляков от излишнего увлечения пустыми декламациями «миланского смельчака», правда, любящего человечество, но ничего не смыслящего в науке и истории, не смогли ни заглушить хора восторженных панегиристов, ни умалить горячие симпатии, которые Беккариа успел заслужить в обществе. Один из лучших современных публицистов выразил даже сомнение в том, что такое «бесстрашное и светлое произведение могло появиться в стране, где хозяйничает инквизиция».

Чтобы составить себе приблизительное понятие о громовом впечатлении, произведенном в отчизне Вольтера книгой «миланского смельчака», приведем выдержки из письма члена Директории графа Рёдерера к Джулии Беккариа, написанное через четыре года после смерти ее славного отца. При письме был приложен портрет и перевод книги, из которого она должна была увидеть, какое впечатление произвело сочинение Беккариа и каких почестей удостоился ее отец со стороны знаменитейших людей Франции – Д'Аламбера, Бюффона, Вольтера и других. Со своей стороны Рёдерер прибавляет следующий факт:

«Трактат так изменил дух старинных уголовных судов во Франции, что за десять лет до революции суд стал неузнаваем. Все молодые члены судебного сословия – могу это подтвердить, потому что сам принадлежал к их числу, – более судили согласно с принципами этого трактата, нежели справлялись с законами. В нем черпали свои взгляды Серваны и Дюпати,[6] и может быть, их-то красноречию мы обязаны тем, что обладаем новыми уголовными законами, составляющими гордость Франции. Вы видите, сударыня, что еще задолго до присоединения Ломбардской республики к нашей Вы уже приобрели права во

Франции. Позвольте Вам заявить от имени всех друзей таланта, философии и человечности, что благодаря Вашему отцу Вы принадлежите к великой семье друзей философии и свободы», и так далее.

То же подтверждает и известный современный французский криминалист Фостен Эли. «Беккариа, – говорит он, – был истинным реформатором наших уголовных законов».

В 1766 году Аббат Морелле от имени Мальзерба, Дидро, Д'Аламбера, Гельвеция и Гольбаха пригласил Беккариа посетить Францию, погостить у парижских «братьев». В обширном благодарственном письме по поводу этого приглашения Беккариа высказался с такой полнотой и искренностью, что все находящиеся в этом письме сведения о его жизни и предшествующей деятельности впоследствии целиком вошли в его биографию. Его раньше звали в Париж, он был не прочь, – но его пугала мысль расстаться с горячо любимой женщиной, и поездка откладывалась. Некоторые французы обращались к его друзьям с вопросом, что за помеха лежит между ним и Парижем? Помеха из самых простых, – ответили друзья, – красавица жена. Но теперь надо было ехать во что бы то ни стало. Расставание с женой было таким трогательным, точно предстояла мучительная экспедиция в неведомую страну ирокезов, а не увеселительная поездка в центр европейской образованности.

В сопровождении своего закадычного друга Александра Вери Беккариа наконец отправился в начале октября 1766 года в Париж. Почти три недели продолжалась эта поездка. Чуть не с каждой почтовой станции писал он подробные отчеты своей «дражайшей и любимейшей супруге» о своих путевых впечатлениях. В образовавшейся объемистой переписке, не предназначавшейся для печати, вырисовывается в самых привлекательных красках интимная жизнь этих образцовых супругов.

То и дело встречаются пламенные уверения в любви, в тоске по своей возлюбленной, в намерении скорее вернуться. Безумно влюбленный юноша вряд ли писал более страстные письма предмету своей скрываемой любви, нежели этот степенный философ, тяжелый на подъем домосед, серьезный мыслитель и получивший европейскую известность публицист. «Дорогая радость моя», «душа моя», «обожаемая супруга» – так и пестрят в любом письме. «Сохраните мне Вашу любовь, – пишет он ей из Эгбеля, – и в награду за мою любовь пишите мне ежедневно. Любовь сделала из меня, труса, человека деятельного. Вы, душа моя, совершили это чудо, мне утешительно писать Вам это».

В Турине Беккариа вручили золотую медаль, выбитую в его

честь Бернским обществом экономистов.

В Париже молодых путников приняли не только восторженно – но просто «с обожанием», con adorazione, как писал Бери. Интересна характеристика знаменитостей парижского ученого мира, сделанная и Вери, и Беккариа. Мы ограничимся только последней. Гость положительно в восторге от приема своих друзей, с которыми он обедал у барона Гольбаха. «Мы в особенности восхищены, – пишет он жене, – Дидро, бароном Гольбахом и Д'Аламбером. Последний – человек выдающийся, и в то же время – сама простота. Энтузиазм и добродушие сквозят в манерах Дидро. Гельвеции и Бюффон еще в деревне, Мореллэ возится с нами…» И тут же прибавляет неизбежную фразу: «Помните, что я Вас нежно люблю, что всему на свете, целому Парижу с его удовольствиями предпочитаю мою дорогую супругу, моих детей, мою семью, моих миланских друзей, в особенности тебя. Я никогда не лгу, поэтому, радость моя, прими это за сущую правду, а не за любезность».

Несмотря на старание друзей, желавших сделать пребывание итальянских публицистов в Париже по возможности приятным и полезным, Беккариа не выдержал долгой разлуки со своей Терезой. Он сознается, что у самого рассудительного человека голова закружилась бы от почестей, приемов, празднеств и похвал, которые ему расточали величайшие умы века, – но тоска по семье грызла его, точила как червь. Вместо предполагавшегося шестимесячного пребывания в Париже он уже в ноябре был у себя в Милане, в кругу родных и друзей.

По возвращении домой Беккариа посетил Вольтера в Фернее. Хотя некоторые биографы отрицают этот факт, но то, что оба они желали лично познакомиться и, вероятно, познакомились, не подлежит сомнению. «Великий Вольтер, – пишет ему один общий знакомый, – был бы в восторге познакомиться с Вами лично. Вы будете удивлены, увидев, сколько сохранилось веселости и живости в этом скелете. Он сверкает, как огонь, его глаза говорят за него. Вам знакома кисть художника, неужели Вы не захотели бы познакомиться с самим художником?» «Каждый раз, когда я бываю в Фернее, – пишет другой знакомый, – великий Вольтер не перестает говорить о Вас с тем сердечным участием, которое Вы сумели возбудить в самых знаменитых людях…» «Угадайте, о чем мы вчера говорили у Вольтера за обедом, на котором был Д'Аламбер? – пишет ему некий восторженный юноша, Мацукелли, большой поклонник обоих философов. – О Вас, маркиз, о Вашей дивной философии. Простите, что я осмелился передать ему поклон от Вашего имени. „Ах, скажите господину Беккариа, – это его подлинные слова, – что я, бедный 77-летний старец, одною

ногою стою в могиле; ничего не желаю, как только быть в Милане, чтобы видеть его, ближе узнать и удивляться, как я это делаю здесь. Поблагодарите его за любезность и скажите ему, что я никогда не перестану быть его поклонником“».

Глава V

Приглашение Беккариа в Петербург. – Отказ, вызванный интригами Д'Аламбера. – Принятие университетской кафедры. – Его труды. – Участие в законодательных комиссиях. – Влияние Беккариа на смягчение уголовных кар в Европе. – Его влияние на русское законодательство. – Закон 17 апреля 1863 года и «Судебные Уставы» 20 ноября 1864 года

Слух о необыкновенном чествовании Беккариа в Париже вскоре достиг и северных дворов, где к автору «Dei delitti e delie pene» относились с большим сочувствием. Императрица Екатерина II выразила желание видеть у себя человека, о котором Д'Аламбер писал ей такие лестные отзывы. Начались переговоры о приглашении Беккариа совсем поселиться в Петербурге, чтобы принять участие в трудах комиссии для составления уложения. Канту приводит любопытное письмо, полученное Беккариа в конце 1766 года от знаменитого хореографа Анджелини, управлявшего петербургским балетом. Балетмейстер передает ему поклон от имени статс-секретаря императрицы Елагина, большого поклонника Беккариа и противника практиковавшейся на его родине карательной системы, в силу которой сначала наказывают, а затем уже приступают к расследованию содеянного преступления: «Еще скажу Вам, что императрица уже читала Вашу книгу и всем сердцем сочувствует гуманности, которую Вы с такой энергией проповедуете и поддерживаете». Другой земляк Беккариа, некий синьор Маруцци, предложил даже свои услуги, чтобы облегчить ему переезд в Россию.

Такого закоренелого домоседа, как Беккариа, для которого даже поездка в Париж была невероятным подвигом, одна мысль об отдаленном путешествии в холодную и малоизвестную «Московию» наполняла ужасом. К тому же его жена начала прихварывать, ей советовали отправиться на воды в более теплый климат, на юг Италии. Взять с собою больную жену в Петербург, климат которого в те времена пользовался далеко не лестною репутацией, было просто немыслимо. А тут еще подоспели коварные советы нового друга Д'Аламбера, роль которого в этом деле была более чем странной. Никто так горячо не рекомендовал императрице миланского философа, как Д'Аламбер, он первый подал мысль пригласить его в Петербург. А когда дело уже наладилось, он же настойчиво ему отсоветовал отправиться в Россию… «Говорят, что Вы серьезно думаете о поездке в Россию, –

писал он в июне 1767 года. – Не знаю, какими мотивами Вы руководствуетесь. Но прошу Вас, дорогой друг, хорошенько подумать еще об этом, прежде чем окончательно решитесь. Вспомните все, что я Вам раньше говорил по этому поводу. Вы променяете прекрасный климат для очень дурной страны, свободу на рабство…» и т. д. Советы такого друга, как Д'Аламбер, кичившегося тем, что, несмотря на дружеские отношения с императрицей, он предпочел остаться в своей Франции, на скудном пенсионе в 1700 франков и с конурой в виде казенной квартиры, отказавшись от выгодных предложений Екатерины II, подействовали на обленившегося и мягкого Беккариа. Предложение было отклонено, Беккариа остался в своем любезном родном городе.[7]

Австрийское правительство было очень радо, узнав, что предложение петербургского двора не было принято. Чтобы вознаградить Беккариа за добровольную потерю предложенной должности, министр Кауниц выхлопотал ему, на основании чрезвычайно лестного отзыва графа Фирмиани, новую кафедру политической экономии в местном университете с жалованьем в три тысячи лир. А для лучшего доказательства того, как правительство дорожит людьми науки, «прославившими свое имя не только на родине, но и за ее пределами», ему предложили место члена горного совета с содержанием тоже в три тысячи лир и должность члена совета народного просвещения.

Профессорская деятельность не была для него синекурой. Беккариа много поработал на этом поприще, он считался одним из выдающихся экономистов своего времени, как и другие однородные знаменитости вроде Филанджиери, Бентама и Росси, сумевшие совместить изучение уголовного права с основательным знанием политической экономии. Сэй ставил ему в заслугу, что он, будучи физиократом, «первый анализировал действительные функции производительных капиталов».

В период времени с 1762 по 1781 год Беккариа написал, кроме своего капитального труда, прославившего его имя, еще следующие сочинения: «О беспорядках в монетной системе миланской провинции», «О сущности слога», «Речь о торговле и администрации», «Проект о введении единообразных весов и мер». Популярность Беккариа росла в Италии не по дням, а по часам. Он имел случай убедиться в симпатии своих сограждан во время поездки в Тоскану, когда он отвез внезапно заболевшую жену на морские купанья в Пизу, в сопровождении доктора Маскати и маркиза Кальдерара. Он везде был предметом самых восторженных оваций. Один из близких друзей его, Висконти, писал ему из Венеции, что все жаждут его видеть, все в восторге

от его книги, даже те, которые наложили на нее запрет. Все его любят, превозносят и удивляются ему. Никто не хочет верить, что ему только 30 лет. «Когда в обществе писателей говорят о защитнике и борце человечества, само собой подразумевается Беккариа».

Вюртембергский герцог Людвиг Евгений писал ему, что чтение его книги наполнило его сердце сладостным трепетом, который служит ответом чувствительных душ на призыв защитников человечества, любовью и удивлением к ее добродетельному автору. «Не знаю, готовит ли мне Провидение быть когда-либо вождем существ, мне подобных, я бы этого не желал… Но могу Вас уверить, что употреблю все средства, чтобы уничтожить варварские наказания, заставляющие содрогаться природу, против которых Вы ведете такую победоносную борьбу». Но все эти почести мало трогали робкого маркиза, который был так скромен, что, когда неаполитанский король приехал к нему с визитом, он велел сказать, что его нет дома».

Но не одними овациями и чествованиями исчерпывалось влияние Беккариа. Его идеи проникли в законодательные сферы соседних стран и принесли желанные плоды. После долгой борьбы и Австрия решилась на отмену пытки; колесование отошло в область преданий, осталась только виселица. Но всемогущий министр Кауниц разослал судам секретные инструкции о неприменении и этого наказания. Остались в силе следующие наказания: каторга, палки (bastonatura), пост и вечное изгнание. Смертная казнь была упразднена в 1782 году, но император Иосиф II оставил ее для румын, живущих в Венгрии и Трансильвании. Уголовное уложение, изданное в его царствование, отличалось замечательной мягкостью сравнительно с прежними законами, мягкостью, которою проникло и законодательство государств, входивших в состав полунезависимой Италии.

О влиянии, произведенном идеями Беккариа на Екатерину II и высший слой тогдашней официальной и неофициальной России, мы скажем ниже. Желание не только смягчить жестокость уголовных кар, но и улучшить по возможности положение узников сделалось всеобщим в целой Европе. Англия первая устроила, в виде опыта, исправительные колонии в Ботанибее, в Австралии, в Вандименовой земле и на острове Норфолке. Призыв ее филантропов Джона Говарда, Бентама и других, воодушевленных проповедью миланского философа, не остался гласом вопиющего в пустыне. Нигде так часто не раздавалось имя Чезаре Беккариа, не приводились выдержки из его знаменитого «Трактата», как именно в законодательных собраниях Франции,

переживавшей тогда бурную эпоху своей Великой революции. Влияние Беккариа сказалось и в таком законодательном акте первостепенной важности, как «Провозглашение прав человека и гражданина». Вся старина была ниспровергнута. Иные законы должны были действовать в обновленном общественном строе, и принципы этого нового законодательства, послужившего прототипом для остальной Европы, были впервые провозглашены в Милане. Позднейшие события революционной Франции, к сожалению, отодвинули решение вопроса об отмене смертной казни на неопределенное время. Смертная казнь, против которой так горячо и умело, ратовал Беккариа, и поныне не вычеркнута из французского уголовного кодекса.

Нам остается еще сказать несколько слов о влиянии Беккариа на русское законодательство в течение целого века, начиная с появления его трактата в 1764 году в Милане и кончая «Судебными Уставами» 20 ноября 1864 года. Пожелания, высказанные в Милане в 60-х годах прошлого века, ровно через сто лет получили силу закона в одной из лучших реформ, обессмертивших царствование Александра II. Предшествовавшие частичные улучшения в области уголовного права и процесса были лишь прелюдиями к величественному законодательному акту, провозгласившему необходимость для страны суда скорого, правого, милостивого, равного для всех, отделения судебной власти от законодательной и административной.

Под влиянием идей Беккариа и отчасти Монтескье, Екатерина II составила 30 июля 1767 года знаменитый «Наказ», данный «Комиссии о сочинении проекта нового уложения». Не в одном «Наказе» проглядывает влияние Беккариа, оно замечается и в позднейших законодательных актах императрицы, таких как, например, «Учреждение о губерниях», появившееся в 1775 году, по которому каждое сословие в государстве получало свой особый сословный суд, уголовный и гражданский. Это пересказ мысли Беккариа, что каждый должен быть судим себе равным. Дело, очевидно, идет о суде присяжных, очень мало похожем на сословные суды дореформенного периода.

Вся десятая глава «Наказа», озаглавленная *«Об обряде криминального суда»,* состоит из перевода трактата Беккариа, которому посвящено 114 статей, хотя заимствования встречаются и в других главах. Перевод сделан, по Высочайшему повелению, Григорием Козицким, о чем свидетельствует собственноручная надпись Екатерины II, сделанная на рукописи «Наказа», хранящейся на видном месте, в серебряном ковчеге, под стеклом, в великолепном зале общих собраний Правительствующего сената, с правой стороны, возле обер-прокурорского стола.

Интересно сопоставить статьи этой главы с соответствующими параграфами «Dei delitti e delie pene».

«Обвиняемый, – гласит 194-я статья „Наказа“, – терпящий пытку, не властен над собою в том, чтобы он мог говорить правду. Можно ли больше верить человеку, когда он бредит в горячке, нежели когда он при здравом рассудке и добром здоровье? Чувствование боли может возрасти до такой степени, что, совсем овладев всею душою, не оставит ей больше никакой свободы производить какое-либо ей приличное действие, кроме как в то же самое мгновение ока предпринять самый кратчайший путь, коим бы от той боли избавиться. Тогда и невинный закричит, что он виноват, лишь бы только мучить его перестали. И то же средство, употребленное для различения невиновных от виновных, истребит всю между ними разность, и судьи будут так же в неведении, виноватого ли они имеют перед собою или невинного, как и были до сего пристрастного допроса. Посему пытка есть надежное средство осудить невинного, имеющего слабое сложение, и оправдать беззаконного, на силу и крепость свою уповающего».

«Наказ» высказывается против смертной казни, которую он допускает лишь во время безначалия, когда сами беспорядки заступают место законов. Но в нормальное время, в стране, где «вся власть в руках Самодержца, в таком государстве не может в том быть никакой нужды, чтобы отнимать жизнь у гражданина».

Чем же объяснить это разительное несоответствие теории с практикой, этот вопиющий разлад между увлечением теориями Монтескье и Беккариа, с одной стороны, и терпимостью к разным Шешковским и его последователям? Покойный профессор А. Ф. Кистяковский уверяет, что в первое время законодательница искренно проникнута была духом этих творений и надеялась усвоить его России. Для этого она созвала депутатов от всех сословий целой империи. Намерение не осуществилось, новое уложение не было составлено – и большая часть высоких драгоценных мыслей, высказанных в «Наказе», осталась мертвой буквой. Кроме внешней причины – турецкой войны, – была другая, самая глубокая и основательная – умственная и нравственная неподготовленность русского народа и общества. «Это, – говорит он, – было состояние позолоченной грубости и неразвития, то состояние, которое было более благоприятно чрезмерному развитию крепостного права, чем осуществлению мыслей Беккариа и Монтескье, решительно несовместимых с таким состоянием народа».

Нельзя вполне согласиться с мнением покойного профессора, что весь екатерининский «Наказ» остался мертвой буквой. При

составлении Свода Законов в 1832 году десятая глава «Наказа» послужила одним из источников третьей главы «Законов о судопроизводстве по делам о преступлениях и проступках», так что некоторые положения о предварительном заключении и силе доказательств существуют еще до сих пор в дореформенных окраинах империи. Благодаря этой санкции закона взгляд, высказанный Беккариа, что чем тяжелее преступление, тем совершеннее должны быть доказательства, сослужил большую службу делу правосудия, избавив многих подсудимых, вина которых не совсем была доказана, от незаслуженных кар. Это разумное правило помещено рядом с известным афоризмом Петра Великого, ошибочно приписанным Екатерине II, что «лучше освободить десять виновных, нежели осудить одного невинного», заимствованным из 9-й статьи «Воинского Устава» 1716 года.

Но лучшим и самым блестящим доказательством жизнеспособности учения Беккариа служит неопровержимый факт, что его книга была тем библейским огненным столбом, который освещал путь составителям «Судебных Уставов», когда они мучительно пробирались по безнадежной пустыне, окруженной тьмою дореформенного судопроизводства, чтобы выбраться на светлый путь нового суда, отменившего старую кривду.

Один из выдающихся деятелей судебной реформы, известный переводчик Данте, сенатор С. И. Зарудный, счел своим долгом познакомить русское общество с книгою Беккариа. Он желал, чтобы «в России был *хороший* перевод *хорошего* издания *хорошего* сочинения на *хорошем* русском языке. Если это совершится, то я буду убежден в том, что я сделал *хорошее* дело».

Никто не станет отрицать, что этим «хорошим делом» почтенный судебный деятель достойно завершил свою полезную общественную деятельность.

Глава VI

Смерть Терезы. – Безотрадное семейное положение. – Вторичная женитьба. – Смерть. – Равнодушное отношение сограждан. – Заключение

Тихо и мирно текла жизнь Чезаре в его родном городе. Окруженный всеобщей любовью, преданный любимым занятиям на разных поприщах общественной деятельности, пользуясь всею полнотою семейного счастья, он достиг того, чего так жаждет истый эпикуреец, каким он отчасти и был. Он прожил бы беспечально весь свой век, если бы не катастрофа, разразившаяся над ним совершенно неожиданно! Великий гуманист потерял свою жену, свою нежно любимую Терезу, которую он отвез в Пизу на морские купанья. Несмотря на тщательный уход и усилия лучших представителей врачебной науки, смерть посетила Терезу в лучшие годы жизни. Ей было всего 29 лет.

После нее остались две дочери, из которых одна, Мария, умерла в молодых годах, незамужней, а другая, Джулия, выйдя впоследствии замуж за дона Пьетро Манцони, играла видную роль в парижском обществе и поддерживала блестящую репутацию отца и сына, известного писателя. С ней-то был в переписке граф Рёдерер, письмо которого мы передали в извлечении. Вскоре сошел в могилу и его престарелый отец, маркиз Джованни-Саверио, на 85-м году жизни.

Легко себе представить, как отразилось это семейное горе на впечатлительном Чезаре, так беззаветно любившем свою молодую подругу жизни. На первых порах казалось, что безутешный супруг не выдержит этого жестокого удара судьбы, лишившей его самого дорогого в жизни, теперь потерявшей для него всякое значение, подвинет его на какой-нибудь отчаянный поступок для насильственного сокращения опостылевшего существования, которое пришлось бы влачить в беспросветном одиночестве. На деле вышло, однако, совершенно иначе. Психологически неразрешимая загадка разрешилась таким сюрпризом, который менее всего можно было ожидать от такого любящего супруга, каким был Чезаре. Недолго продолжалось его вдовство, и 4 июня 1774 года он сочетался законным браком с дочерью графа Барнаба-Барбо, донной Анной. От этого брака родился сын Джулио, переживший свою сестру Джулию на десять лет. Он скончался в 1858 году. Со смертью этого последнего отпрыска Чезаре прекратился род Беккариа-Бонесана. Братья его не

оставили никакого потомства.

Сохранилось любопытное письмо капитана де Бласко, брата покойной Терезы, к Беккариа. В этом письме капитан, оплакивая смерть дорогой сестры, одновременно выражает свое соболезнование неутешному супругу и поздравляет его… со вступлением в новый брак. «Такому человеку, – пишет он, – как Чезаре, посвятившему свою жизнь служению отчизне и человечеству, невозможно заниматься хозяйственными дрязгами, нянчить детей и т. д. Ему необходима помощница». Перестав быть его шурином, капитан просит его сохранить прежнюю дружбу и теплые отношения; это не только личная просьба капитана, но и желание всего семейства де Бласко – считать его по-прежнему родным. В заключение он низко кланяется маркизе, почтительно целует ее ручки и так далее.

Беккариа продолжал по-прежнему работать, но ничего выдающегося не вышло уже из-под его пера. Остаток его жизни прошел довольно бесцветно. Похвалы друзей и скрежет зубовный многочисленных врагов не интересовали его. Он ко всему относился довольно равнодушно, колоссальный успех не вскружил ему голову, нападки критиков на литературные недостатки его произведений, на неряшливость слога, на орфографические ошибки не возбуждали в нем ни горечи, ни желания оправдываться перед читающей публикой. Даже грандиозные политические перевороты последнего десятилетия прошлого века не производили на него того потрясающего впечатления, какое производили они на других его современников, содействовавших крушению старого режима. В своем юношеском произведении «Прелести воображения» он рисовал картину блаженного состояния честного эпикурейца, живущего в сфере совместной работы ума и воображения, сумевшего сохранить известную дозу индифферентизма в деловой жизни и в поисках истины умеренно распределять свои страсти, не слишком волноваться при виде того, как люди сражаются, надеются, умирают; бежать от греха, причиняющего угрызение совести, – но отказаться от химеры достигнуть совершенства, любить уединение, предпочитая городскому шуму деревню, горы, морской берег, где чувствуется «ничтожество наших дел и наших систем». Таким честным эпикурейцем был, конечно, и сам автор. В его характере было много черт, совсем не свойственных итальянцу, – даже северному, не чуждому влияния немецкой культуры. Во многих отношениях он был настоящим Обломовым, сам себя называл «лентяем», добродушным, скромным, даже робким, – только не в области мышления. Там он был богатырем и смелым бойцом. Он мало обращал внимания на

внешность, был небрежен в одежде и в слоге, писал с крайней неохотой. А между тем не было грамотного человека в Италии, который бы не читал его трактата «Dei delitti». Даже люди, менее всего интересующиеся литературой, например кардиналы и прелаты, зачитывались его сочинениями. Не изяществом слога, не художественно отделанными периодами завоевал он всеобщие симпатии, а искренностью убеждения, силою вдохновенного слова, горячим желанием добра ближнему.

Точно крадучись, настигла его смерть – совершенно неожиданно. Беккариа всегда пользовался цветущим здоровьем, никогда почти не болел. Какое-то неясное предчувствие близкой катастрофы угнетало его в последние дни. Он всё упрашивал окружающих не оставлять его одного, одиночество пугало его, он его не мог выносить. Вскоре его нашли пораженным апоплексическим ударом. Будь подана своевременная помощь, его можно было бы спасти, но этой помощи не было, и Беккариа отошел в вечность 28 ноября 1794 года, имея 56 лет от роду. Смерть его прошла совершенно незаметной. Ни одна газета не поместила даже некролога, похороны были скромны, без венков и надгробных речей. Общественное мнение было тогда слишком занято грозными событиями, происходившими во Франции, готовившейся европейской войной, усиленной работой гильотины, рубившей головы граждан направо и налево, – не до скромного мыслителя, жившего и умершего философом, ему было дело. Совершенно верно замечает Канту, говоря о кончине этого «бесшумного философа», Filosofo senza strepito: «Едва Европа заметила, что Беккариа был великий человек, – он умолк». Зато потомство воздвигло ему в родном городе монумент[8] недалеко от чудесного Миланского собора, перед зданием окружного суда, члены которого, увы, не всегда следуют заветам этого доблестного гражданина.

Посмертная оценка сочинений доблестного «гражданина, дерзнувшего поднять свой голос в пользу человечества, против закоренелых предрассудков» – как гласит надпись на золотой медали, выбитой в его честь Бернским экономическим обществом, – отличается крайним разнообразием и пестротой суждений. Одни, например Вильмен, находят, что Беккариа обладал более чувствительным и великодушным сердцем, нежели проницательным и глубоким умом, что его трактат заслуживает вечной благодарности, но ничего гениального не заключает в себе. Другие утверждают, что Беккариа вовсе не был мыслителем. Он одинаково любил Гельвеция и Монтескье, не замечая разницы между этими писателями. Третьи говорят, что Беккариа писал в такое горячее время, когда научное знание уголовного права было

излишне, когда, чтобы добиться реформы, талант заменял гений, а мужество – талант. Многие спрашивают, какое место занимает его трактат, что это такое: памфлет или серьезное творение? Да, это серьезное творение, в полном смысле слова. Беккариа не только разрушил обветшалое здание ненавистного законодательства, но составил план нового здания, подобрал подходящий материал, вырыл фундамент для этого здания. Его трактат не потерял своего значения и теперь. Не надо забывать его благородной и мужественной решимости провозгласить всенародно, что смертная казнь бесполезна, отрицать перед лицом всей истории, во имя человеческого сердца, прошлое, настоящее и холодный разум тех, кто желает быть представителями будущего… В области социальной философии XVIII века он не проложил новых путей, а шел по проторенной дорожке, и так далее.

Все эти отзывы, может быть, имеют известную долю основательности. Но не надо забывать, что Беккариа не писал диссертации на соискание ученой степени, диссертации, испещренной цитатами всех веков и народов, которые обыкновенно гниют на полках академических библиотек. Беккариа не был педантом и не имел дела с педантами. Он обращался к человечеству, говорил на языке, доступном обыкновенным людям, и человечество с умилением вняло крику, вырвавшемуся из груди великодушного человека. Голос Беккариа не пропал бесследно в пустыне, он поразил всех, кому слушать и ведать надлежало. Гулким эхом пронесся он повсюду, где только бьется теплое человеческое сердце, и потряс всех людей, правящих и управляемых, богатых и нищих, знатных и простолюдинов, ученых и малознающих. Дрогнули сердца людей от этого крика возмущенной человеческой совести – и не одной кривдой стало меньше на свете. Его голос ниспроверг колодки и застенок, колесование и виселицу, сузил до последней возможности деятельность палача и роль эшафота. Этого одного достаточно, чтобы увековечить его заслуги. Люди, которых Беккариа так горячо любил, никогда не забудут благородных усилий этого чистого человека всячески облегчить страдания ближних, видеть человека даже в позорной куртке каторжника, погибающего в рудниковой атмосфере. Семя, брошенное Беккариа, дало хорошие плоды и в России. Помимо влияния, оказанного Беккариа на законодательство Екатерины II, особенно на ее «Наказ», надо всегда с благодарностью помнить, что его идеи восторжествовали в России в одну из самых знаменательных эпох ее исторической жизни. Идеи, впервые провозглашенные Чезаре Беккариа в 1764 году, воплотились через сто лет в одной

из лучших жемчужин реформаторской деятельности прошлого царствования – в Указе 17 апреля 1863 года, и в «Судебных Уставах» 20 ноября 1864 года.

Пройдут века, многое, вероятно, изменится на Европейском континенте, одно останется незыблемым – глубокое уважение к памяти Беккариа. В числе лучших друзей человечества светлая личность автора «Dei delitti e delie pene» всегда займет одно из самых почетных мест.

Источники

1. *C. Beccaria.* Dei delitti e delie pene. Milano, Stamperia reale.

2. *Cesare Cantù.* Beccaria ed il diritto penale. Saggio. Volume unico. Firenze, 1862.

3. *M. Faustin Hélie.* Des délits et des peines, par Beccaria. Deuxième édition. Avec une introduction et un commentaire, revus et augmentés de notes nouvelles. Paris, 1870.

4. Grand dictionnaire universel du XIX siècle, 1 vol., page 459.

5. La grande Encyclopédie. – Inventaire raisonné des sciences, des lettres et des arts, par une société de savants et des gens des lettres. Paris, Lamirault & C-nie, 5 vol., page 1105.

6. *Eduard Hertz.* Voltaire und die französische Strafrechtspflege im XVIII Jahrhundert. Ein Beitrag zur Geschichte des Aufklärungszeitalters.

7. *В. Д. Спасович.* Джон Говард. Речь, читанная на IV международном тюремном конгрессе в С.-Петербурге 4 июня 1890 года. – «Новости», 1890, 5 июня, № 152.

8. *С. И. Зарудный.* Беккариа о преступлениях и наказаниях в сравнении с главой X Наказа Екатерины II и с современными русскими законами. Материалы для разработки сравнительного изучения теории и практики уголовного Законодательства. СПб., 1879.

9. *А. Ф. Кистяковский.* Влияние Беккариа на русское уголовное право. – «Журнал министерства юстиции», 1864, № 9, кн. 9.

notes

Примечания

1

О преступлениях и наказаниях *(ит.)*

2

«Дух» *(фр.)*

3

Александр Бери, его закадычный друг и спутник, которого он называет Alessandrino, то есть Саша

4

«научное и благородное общество, которое образовалось в Милане, под покровительством графа Фирмиани» *(фр.)*

5

«Наши крестьяне не устают заставлять себя вешать!» *(фр.)*

6

Знаменитые судебные ораторы дореволюционного периода. Серван был прокурором судебной палаты в Гренобле, Дюпати занимал такую же должность в Бордо. Речи первого, по словам Вольтера, трогали до слез, потому что были сердечны и поучительны

7

В бумагах Беккариа нашли экземпляр знаменитого «Наказа» Екатерины II

8

На монументе красуются знаменательные слова, сказанные о смертной казни: «Ma se dimosteró non essere la morte nè utile, nè necessaria, avró vinto la causa dell' umanità» («Если докажу, что смертная казнь ни полезна, ни необходима, то выиграю дело человечности»)